

2013.04.015. ПЫЛЬКИН В.А. ВОЕННОПЛЕННЫЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ, ГЕРМАНИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛЕ В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ. – М.: Горячая линия – Телеком, 2013. – 236 с.

Ключевые слова: Первая мировая война; революции 1917 г.; военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи; содержание и использование военнопленных.

В книге канд.ист.н. В.А. Пылькина рассматривается положение военнопленных солдат и офицеров на территории Рязанской губернии в 1914–1920 гг., их численность, национальный состав, содержание и использование в разных сферах экономики, отношения с местным населением. Монография состоит из введения, двух глав ("Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и Османской империи в Рязанской губернии в 1914 – начале 1917 гг."; "Военнопленные в Рязанской губернии в условиях революции и гражданской войны") и заключения.

Автор пишет, что в источниках и литературе встречаются разные оценки численности военнопленных (от 1,9 млн. до 2,4 млн. человек), находившихся более чем в 400 лагерях. 128 лагерей располагалось в Московском военном округе, в который входила и Рязанская губерния. На 1 января 1917 г. в этом округе содержалось 321 тыс. военнопленных, хотя в литературе приводится и другая цифра – 521 тыс. (с. 7).

Первые военнопленные начали прибывать в Рязанскую губернию в конце 1914 – начале 1915 гг. С 1915 г. труд военнопленных широко использовался в различных секторах экономики. Наибольшее их число на работах было отмечено в середине октября 1916 г. – 10 332 человека, из них 6 689 – в сельском хозяйстве, 3 643 – на работах у частных лиц, в торгово-промышленных предприятиях и на городских работах. Кроме того, на пунктах постоянного размещения находилось еще 1 664 солдат и 200 офицеров. А всего в губернии насчитывалось тогда свыше 12 тыс. военнопленных. По уездам количество военнопленных существенно различалось (больше всего их трудилось в плодородных земледельческих уездах). Все офицеры, были расквартированы в городах (в Рязани, Егорьевске и Касимове) и не привлекались к принудительным работам (с. 9). В губернии жили и высланные с Юга России турецкие подданные (свыше 3 тыс.) (с. 22).

Среди военнопленных преобладали солдаты и офицеры Австро-Венгрии, большинство из которых были славянами. Военнопленные в основном были заняты на работах в сельской местности. Их распределением ведали земские управы. Военнопленные предоставлялись сельским хозяевам исключительно для работы за плату, размер которой устанавливался управами. Не менее половины ее должно было выдаваться на руки военнопленному, а остальное – поступать в возмещение расходов по содержанию пленнх. Охрана поручалась чинам местной полиции, в помощь которой могли

наниматься сторожа. При распределении пленных предпочтение отдавалось частновладельческим хозяйствам. Помимо сельского хозяйства труд пленных применялся в строительстве, в промышленности, на железных дорогах, в городском хозяйстве и др. В немалой степени это было связано с дефицитом рабочей силы.

Рассматривая вопрос о содержании военнопленных, автор пишет, что в отличие от Германии и Австро-Венгрии положение с продовольствием в России, особенно в начальный период войны, было гораздо лучше. Это признавали и сами пленные. И согласно официальным российским документам военнопленные должны были получать питание, соответствующее питанию солдат русской армии. Будучи на работах в различных уездах Рязанской губернии, пленные получали сытную пищу в достаточном количестве. У крестьян они довольствовались вместе с хозяевами.

Но по мере того, как в стране повышались цены на продовольствие и ухудшалось снабжение продуктами, власти предпринимали меры по изменению рациона и содержания военнопленных. В 1916 г. приказом по Московскому военному округу была установлена дневная норма довольствия для пленных солдат: хлеба – 2,5 фунта, крупы – 24 золотника, мяса или рыбы – 0,25 фунта, соли – 11 золотников, овощей свежих – 60 золотников, овощей сушеных – 4 золотника, масла или сала – 5 золотников, перца – 1/6 золотника, чая – 0,5 золотника и сахара – 6 золотников. Офицеры получали ежемесячно 50 рублей (с. 64-65).

Военные власти должны были обращать внимание на то, чтобы пленные были обеспечены одеждой и обувью в соответствии с сезоном, чтобы они назначались на работы после медицинского освидетельствования, чтобы к ним не применялись никакие телесные наказания, и чтобы охрана всегда соблюдала должное уважение к пленным офицерам. Заболевшие военнопленные обычно направлялись в земские больницы или госпитали. Вообще в губерниях Центра России в том числе и Рязанской губернии, военнопленные были достаточно хорошо охвачены медицинской помощью, в отличие от крупных пересыльных лагерей или лагерей в азиатской части страны, в Сибири. Смертность среди военнопленных в Рязанской губернии оставалась на низком уровне. Так, за период с 5 мая по 15 декабря 1915 г. в Рязани не было ни одного случая смерти. В уездах гибель отдельных военнопленных была связана с несчастными случаями.

Положение военнопленных порой зависело и от того, как относились к русским пленным в Германии и в Австро-Венгрии: действовал «принцип око за око» (с. 74). При всем том, «некоторые военнопленные вели в плену достаточно сносную жизнь» (с. 76). Обладая востребованными специальностями, они работали слесарями, шоферами, электриками, фармацевтами и т.д. Бывали случаи, когда военнопленные и гражданские

пленные (подданные вражеских государств, застигнутые войной в России) накапливали значительные средства. По сведениям МВД в некоторых губерниях они занимались скупкой предметов, являющихся памятниками русской старины. Как указывалось в официальном документе, они имели полный досуг и использовали неосведомленность местного населения о ценности предметов искусства и быта отдаленных времен.

Автор рассматривает и вопрос об отправлении религиозного культа в условиях плена. Среди нижних чинов и офицеров были православные, католики, протестанты, униаты, иудеи, мусульмане. Военные власти, пишет автор, по мере возможностей учитывали характер и особенности религий, к которым они принадлежали (с. 77). Так, осенью 1916 г. специальным распоряжением военный министр разрешил освободить от занятий военнопленных иудейского вероисповедания по случаю религиозных праздников.

Довольно мягкий режим содержания и отсутствие надлежащей охраны при увеличении числа пленных на работах в Европейской России способствовали росту числа побегов в 1916 г. Власти пытались бороться с этим. В сентябре 1916 г. командующий войсками Московского военного округа направил рязанскому губернатору циркуляр, в котором отметил недостаточный надзор за пленными и потребовал установить режим строгой дисциплины. Он писал: «Поражает открытое разгуливание в городах и селах одиночных военнопленных, командированных в распоряжение земских управ и розданных этими последними по обывателям. Военнопленные состоят в городах и селах приказчиками в магазинах, ямщиками на земской почте, имеют в своем распоряжении лошадей, исполняют обязанности поваров, готовя пищу для наших раненых нижних чинов, работают в качестве садовников у частных лиц и т. п. В результате замечается крайняя распущенность военнопленных и является полная возможность им свободно скрываться среди обывателей и бежать... Военнопленные... как только попадают на сельскохозяйственные и другого рода работы, получают и полную свободу действий и возможность бесконтрольно распоряжаться заработанными деньгами, а также жить без всякого надзора...пользуются большей свободой, чем наши нижние чины. Пленные далеко не чувствуют тех неизбежных стеснений, которые они должны чувствовать в силу своего положения, как военнопленного...» (с. 87).

Фрейлина О.С. Раевская, гостившая летом 1916 г. в имени своей сестры в Рязанском уезде, писала рязанскому губернатору, что она "была глубоко поражена положением военнопленных рабочих, как в Рязанском уезде, так и по всей губернии": "Можно себе вообразить, что это желанные гости и покровители России, а отнюдь не наши пленные враги. Работать они отказываются, а крестьяне ничего с ними сделать не могут, т.к. пленные над ними смеются и грозят русским крестьянам, что пожалуются на

них в земскую управу, каковую угрозу они часто приводят в исполнение, причем управа неизменно становится на сторону пленных. Пленные, несмотря на распоряжение имеющееся по этому поводу, не только свободно и без провожатых выходят из крестьянских и господских усадеб, но и даже без разрешения и вопреки запрещению хозяев самовольно уходят гулять даже в рабочие дни, ходят из деревни друг другу в гости, собираются большими партиями, и гуляют где хотят, и возвращаются домой когда хотят... Пленные, не желая работать в полях, самовольно меняют хозяев, берут частные профессии..." (с. 117–118). По словам Раевской, военнопленный – это самый любезный кавалер для девушек и веселый товарищ для молодых парней (с. 118). Она также сообщала, что в селе Матчино один пленный объявил себя гадалщиком и совсем отказался работать. При этом "бабы к нему липли как мухи..." (с. 118).

Но участвовавшие случаи неповиновения пленных, их отказы от работы часто были связаны и с ухудшением условий их существования. Власти были обеспокоены таким "бунтарством", тем более, что оно проявлялось на фоне роста продовольственных волнений и других форм недовольства местного населения. Обычным наказанием пленных во второй половине 1915 – начале 1917 гг. за отказ работать становится арест от 3 до 7 суток.

Среди военнопленных российские власти выделяли менее и более лояльных по национальному признаку. Ко вторым относили пленных славян, несмотря на то, что далеко не все они питали симпатии к России, итальянцев и румын. В отдельную категорию были выделены военнопленные германской армии из Эльзаса и Лотарингии. На эти категории военнопленных была направлена пропаганда, главной целью которой было привлечь их на свою сторону в войне. Значительная часть военнопленных славян, особенно чехов, словаков и сербов, оправдала эти ожидания, вступив в национальные военные формирования. Кроме того, у них было больше возможностей улучшить свое положение в плену. Многие из них пытались сделать это, подавая прошения о принятии в русское гражданство.

Отношения пленных и местного населения Рязанской губернии не оставались неизменными на протяжении всей войны. Постепенно спокойное и даже благожелательное отношение к пленным начало сменяться недовольством из-за слишком свободного режима их содержания. Этому "способствовало формирование образа врага в среде гражданского населения" по мере развертывания пропаганды, а также возрастания тягот военного времени. В то же время значительная часть населения Рязанской губернии постепенно привыкла к присутствию военнопленных, многие из которых показали себя лояльными России (с. 138).

В 1917 г. в губернии по-прежнему преобладали военнопленные армии "лоскутной монархии", но в это время среди них уже было много австрийцев и венгров. После февраля 1917 г. усиливаются меры по привлечению военнопленных в национальные военные формирования при русской армии и в армии союзников, что вело к некоторому сокращению пленных в губернии. Были существенно облегчены и условия их существования. Власть предпринимала меры по более точной регистрации военнопленных в целях их эффективного использования в экономике, а также ввиду их предстоящей эвакуации на родину.

В 1917 г. расширился круг организаций, которые занимались пленными, их использованием в экономике. Труд военнопленных по-прежнему был весьма востребован в сельском хозяйстве. Но крестьянство через различные революционные органы постепенно меняло характер социальных отношений в сельских районах. В центральных губерниях, и в том числе Рязанской, у многих владельцев экономий снималась часть военнопленных или даже все они для распределения по крестьянским хозяйствам.

Для многих пленных ослабление режима содержания, новации революционного времени принесли улучшение материального положения. В то же время рост цен, высокая инфляция, критическое состояние снабжения и ряд иных неблагоприятных условий вели к его деградации положения другой части пленных. Это касалось в первую очередь тех, кто был размещен в лагерях и не был занят в аграрном секторе или на каких-либо работах (с. 182).

В конце 1917 – начале 1918 гг. новый виток революционного процесса (захват власти большевиками, преобразования в крестьянской общине, солдатские бунты) привел к существенному ухудшению положения военнопленных в Центре России. И в Рязанской губернии эти события разворачивались на фоне усиления экономического кризиса и обострения продовольственного вопроса, что сильно ударило по военнопленным, многие из которых лишились заработка. Но режим содержания стал гораздо мягче, что проявлялось в облегчении принятия гражданства военнопленными, в снятии ограничений на вступление в брак, в расширении возможностей по трудоустройству. Это было связано и с идеологией большевиков, и с условиями выхода России из войны, и с особенностями революционной эпохи.

После заключения Брестского мира начинается долгий процесс возвращения военнопленных на родину. Большая их часть покинула Рязанскую губернию на протяжении второй половины 1918 – 1920 гг. На 1 ноября 1920 г. в губернии насчитывалось 169 военнопленных солдат и 3 офицера (с. 206). При этом многие из них оставляли лагеря и места работ и двигались на родину самостоятельно, несмотря на

официальные запреты. Для некоторой части из них "путь домой пролегал через участие в российской гражданской войне. Кроме того, были и те, для кого Россия стала новой родиной" (с. 226).

В.М. Шевырин